

18+

Абат Естенов

Без окон

*О детстве, мечте
и праве
на другой мир*

Абат Естенов

**Без окон. О детстве, мечте
и праве на другой мир**

«Издательские решения»

Естенов А.

Без окон. О детстве, мечте и праве на другой мир / А. Естенов —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Без окон Четыре ребёнка. Четыре города. Четыре
совершенно разные жизни. Однажды окна соединяют их. И каждый получает
шанс прожить жизнь другого. Но что они увидят, когда впервые посмотрят
из чужого окна?

© Естенов А.

© Издательские решения

Содержание

ЗАБЫТЫЙ КЛЮЧ ОТ ЧЕРДАКА	6
Четыре окна	7
Бетон и уголь	7
Стеклянная тишина	12
Ткань и железо	16
Краски и свет	19
Жизнь	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Без окон О детстве, мечте и праве на другой мир

Абат Естенов

© Абат Естенов, 2026

ISBN 978-5-0071-4615-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАБЫТЫЙ КЛЮЧ ОТ ЧЕРДАКА

Взросление — странная ловушка, в которую мы однажды попадаем почти добровольно. Мы меняем безграничные горизонты на ипотечные договоры, любопытство — на расписания, искренний восторг — на «взвешенный» цинизм. Строим вокруг себя стены из ответственности, важных дел, статуса и привычек, а потом плотно зашториваем окна и называем это комфортом и безопасностью.

Но скажите честно: когда вы в последний раз смотрели на облака не для того, чтобы понять, будет ли дождь, а чтобы увидеть в них дракона? Когда вы последний раз замирали от восхищения, держа в руках обычный камень? Когда вам в последний раз казалось, что впереди — не просто следующий день, а целая жизнь, в которой возможно почти всё?

Мы ошибаемся, когда думаем, что детство — это всего лишь возраст, который однажды заканчивается. Детство — это ещё и способность смотреть. Смотреть не только на то, что есть, но и на то, чего пока нет. Замечать дверь там, где другие видят стену. Возможность там, где другие видят обстоятельства. Мир там, где пока есть только маленькое окно.

У каждого ребёнка своё окно. Для одного за ним — улица, которой он никогда не видел. Для другого — город, в котором он мечтает однажды оказаться. Для третьего — горы, море и огромный мир, который давно стал привычным. Для четвёртого — миллионы огней, среди которых трудно разглядеть собственную дорогу. Но есть окна, которые невозможно увидеть глазами. Они находятся внутри нас.

Эта книга рассказывает о четырёх детях, живущих в разных уголках планеты. У них разные семьи, языки, города, цвета кожи, возможности и мечты. Одни растут там, где даже настоящее окно становится роскошью. Другие — там, где из окна открывается прекрасный мир. Но постепенно становится понятно: наличие окна ещё не означает, что человек умеет смотреть.

Возможно, поэтому где-то на пыльном чердаке нашей памяти до сих пор лежит забытый ключ — ключ от того места, где мы когда-то умели мечтать без разрешения, задавать неудобные вопросы, верить невозможному и радоваться тому, что взрослым кажется незначительным.

Эта книга — попытка найти этот ключ и открыть окно. Неважно, нарисовано ли оно углём на стене бедного дома, спрятано между крышами фавелы, обращено к горам Ванкувера или растворено среди огней Токио. Важно другое: что увидит человек, когда наконец посмотрит сквозь него? Возможно, другого человека. Возможно, другой мир. А возможно — самого себя.

Поэтому прежде чем перевернуть страницу, остановитесь на мгновение. Посмотрите в своё окно. Слышите? Мир всё ещё зовёт.

Четыре окна

Бетон и уголь

Воздух над южной зоной Рио-де-Жанейро густел, когда солнце начинало клониться к океану, но до склонов Росинья (Rocinha), крупнейшей фавелы Бразилии, эти лучи почти не доходили. Они тонули в лабиринте тесных улочек, бетонных коробках без облицовки и сплетения чёрных электрических проводов, наброшенных на столбы сотнями самодельных «косичек».

Здесь, на крутом глинистом холме, где дома лепились друг к другу, вырастая на три-четыре этажа в высоту из серого шлакоблока и ржавой арматуры, жил Матео Силва. Ему только что исполнилось семь лет. Его мир пах прелой землёй, жареными бобами из соседнего окна, сыростью и тяжёлым мазутом, который приносило с нижней автострады Эстрада-да-Гавеа.

У Матео не было своего угла в классическом понимании этого слова. Его семья ютилась в каморке под самой крышей из волнистого шифера, которую в сезон тропических ливней неизменно заливало мутными потоками. Но главной особенностью их жилища было полное отсутствие окон. На крутом и опасном склоне, где стены чужих домов находились на расстоянии вытянутой руки, прорубать стекло наружу было бессмысленно и опасно: сквозь проём в комнату могла залететь шальная пуля от перестрелок противоборствующих группировок, контролировавших нижние проходы, или просто хлынуть грязевой сель.

Стена над его маленьким матрасом была серой, шероховатой, сочащейся конденсатом. Вместо стекла старший брат — исчезнувший куда-то год назад — оставил ему кусок фанеры и коробок с остатками строительной краски. Матео сам вывел на стене грубый контур оконной рамы, неуклюже водил по ней кистью. Внутри этого нарисованного проёма не было красивого пейзажа — лишь синяя полоска воображаемого океана, до которого отсюда было идти часа полтора пешком через раскалённый асфальт, и белые птицы, которых мальчик никогда вблизи не видел.

Каждое утро начиналось с грохота. Внизу, на узких улочках, где с трудом разъезжались мототакси, затачивали фаво и текли потоки открытой канализации. Матео просыпался от резкого крика торговца газом, стучащего по баллону, и гула басов из баров, где музыка не утихала сутками. Его отец работал грузчиком в районе Сан-Конраду, уходя из дома ещё до рассвета, а мать с утра до вечера стирала чужое бельё в богатых домах у подножия холма. Матео оставался один в лабиринте лестниц-бериньяс, где ступени заменяли дороги, а путь домой всегда шёл только вверх.

В свои семь лет он уже знал наизусть каждый изгиб бетонированных тропинок, каждый открытый водосток и каждый угол, где собирались парни постарше с тяжёлыми взглядами и оружием за поясом. Он умел сидеть тихо, когда за тонкими стенами раздавались крики или звуки сирен, сжимая в руке потёртую пластмассовую машинку без колеса — единственную игрушку.

Росинья жила по своим жёстким законам. Здесь каждый квадратный метр простреливался невидимыми границами криминальных фракций, а бедность давила на плечи бетонной плитой. Но Матео спасался фантазиями. В те редкие часы, когда на фавелу опускалась ночная духота и стихал хотя бы уличный шум, он ложился на жёсткий матрас, упираясь взглядом в фальшивую раму на стене.

— Если долго смотреть, стекло станет настоящим, — шептал он сам себе на португальском, проводя пальцем по шершавой синей краске.

Он закрывал глаза и мечтал о том, что когда-нибудь горизонт за этой стеной перестанет быть нарисованным. Семилетнему мальчику казалось, что где-то далеко, за пределами душного бразильского холма, существует земля, где у людей есть настоящие окна, распахивающиеся прямо в чистое небо, где не нужно вздрагивать от каждого резкого звука и где дома не давят друг на друга своей нищетой.

Матео засыпал под далёкий собачий лай и грохот басов, а в его голове кружился один и тот же образ: огромное прозрачное стекло, за которым начинается совсем другая, неизведанная жизнь, полная простора, воздуха и людей, которые обязательно поймут его без слов. Он ещё не знал, что на других континентах, точно так же прижимаясь лицом к темноте своих стен и стёкол, о нём думают ещё трое таких же семилетних детей.

У родителей Матео никогда не было того времени, которое принято называть детством. Его отец, Карлос, помнил себя только с мозолями на руках — с пяти лет он таскал ящики на рынке внизу холма, помогая отцу выживать за гроши. Мать, Инес, с малых лет знала лишь запах хлорки и влажных тряпок: её мать брала её с собой убирать богатые дома района Леблон, и девочка с четырёх лет училась оттирать чужие полы быстрее, чем читать. В Росинье время не балует людей роскошью взрослеть постепенно. Здесь нет и никогда не было уютного понятия «ребёнок» как чего-то хрупкого, требующего защиты, учёбы и игр. Ребёнок в фавеле с первых шагов — это ещё одна пара рабочих рук, дополнительный ресурс для выживания семьи, маленький механизм в огромной машине борьбы с голодом.

Выросшие в этой тисках нищеты, Карлос и Инес перенесли жёсткую логику выживания и на свою семью. Они работали от зари до тёмной тропической ночи, сгорбившись над чужими грузами и грязным бельём, и продолжали работать теперь, измотанные, постаревшие раньше времени, но так и не выбравшиеся из бетонного капкана. Для них жизнь состояла из простого уравнения: проснулся — значит, должен добыть еду.

Матео был самым младшим, четвёртым ребёнком в этой уставшей семье. Его старшие братья и сёстры уже давно растворились в уличном хаосе фавелы: кто-то исчез в бандах, кто-то уехал на заработки в другой район и пропал из виду. Матео остался один на один с этим миром взрослых забот. От него ждали того же: чтобы он таскал воду соседям, бегал за дешёвым хлебом, следил за порядком в тесной каморке и не путался под ногами. В мире, где каждый метр асфальта пропитан потом и страхом, детство считалось опасной, недозволенной роскошью.

Но Матео отчаянно, до боли в груди сопротивлялся этому правилу.

Пока сверстники из нижних районов ходили в школы и гоняли мяч на травяных полях, семилетний мальчик прятал в кармане потёртую пластиковую машинку без колёс. Он мечтал о самых простых вещах: повозиться в грязи просто так, построить замок из песка, который не смоет дождевой поток, или побегать за бумажным змеем, не думая о том, что нужно успеть донести тяжёлые баклаги с водой на самый верх крутого склона.

Каждый раз, когда мать с укоризной смотрела на то, как он замирает перед нарисованным на стене синим океаном, Матео сжимал в ладони свою игрушку. Он не хотел быть просто ресурсом. Он так сильно хотел остаться ребёнком — хотя бы в мыслях, хотя бы в тишине этой тесной бетонной коробки без окон, где заменяющая стекло краска казалась единственным билетом в настоящий, живой мир.

Был, впрочем, один вечер, который Матео хранил отдельно от всех остальных, как хранят единственную целую ракушку среди осколков. Инес вернулась с работы раньше обычного — хозяйка дома в Леблоне в тот день сама отпустила её, потому что уезжала на выходные. Мать застала сына у стены, с кистью в руке, домалёвывающего очередную птицу над нарисованным океаном. Она не отругала его за испачканные краской пальцы, как делала обычно, торопясь и уставшая. Вместо этого она молча опустилась на матрас рядом, вытерла руки о подол юбки и взяла у него из пальцев кисть.

— Дай сюда, — сказала она тихо и одним уверенным движением, будто вспомнив что-то давно забытое, пририсовала рядом с птицами маленькое, кривое солнце. — В детстве я тоже рисовала. На асфальте, мелом. Пока не смывало дождём.

Матео замер, боясь спугнуть момент. Мать никогда не рассказывала о своём детстве — он даже не знал, что оно у неё было. Они просидели так несколько минут в полной тишине, глядя на общее, теперь уже их двоих, окно, пока снизу, с нижних кварталов, не донёсся резкий хлопок, за которым сразу последовал второй. Инес мгновенно вскочила, задёрнула сына за руку в дальний угол каморки, подальше от стены, и прижала к себе, пока звуки не стихли. Когда всё успокоилось, она поцеловала его в макушку и вернулась к своему привычному, усталому молчанию, будто того тёплого момента у стены никогда и не было. Но Матео запомнил его — и в ту ночь, впервые, ему приснилось, что нарисованное солнце над его окном светит по-настоящему.

Матео не был похож на хрупких городских детей, которых привозили на дорогих машинах к подножию холма. Семилетний мальчик обладал железным, негибким характером и упрямством, которое удивляло даже взрослых обитателей фавелы. В его маленьком теле жил дух настоящего бойца: каждый день в Росинье требовал жёсткой физической закалки, и Матео отвечал на вызовы улицы своей выносливостью.

Он с ранних лет привык к тяжёлым нагрузкам. Его мышцы были крепкими от постоянного карабка по крутым ступеням-бериньяс, от переноски тяжёлых канистр с водой и постоянного бега по пересечённой местности. Матео никогда не плакал от боли, когда сбивал колени о бетон или обжигался о раскалённый на солнце металл. Его закалённый уличной жизнью организм умел переносить жажду, усталость и пронизывающий холод сезонных ливней. Если он ставил перед собой цель — будь то добраться до заброшенного двора или отыскать полезную вещь на свалке, — он шёл до конца, пробивая любые препятствия с упрямством маленького горного козлика.

Эта физическая сила и ментальная стойкость делали его неуязвимым для внешнего страха, но внутри него жила другая, более тонкая сила — его богатая фантазия, которая помогала выдерживать суровую реальность фавелы.

Однажды, возвращаясь с поручений по извилистым лабиринтам бериньяс, Матео нашёл на пепелище после небольшого пожара в соседнем квартале угольный брусок. Он был обгоревшим, плотным и оставлял на пальцах густой, бархатистый чёрный след. Матео спрятал его в карман своих потёртых шорт, бережно прижимая ладонью, будто самое ценное сокровище в мире.

Вечером, когда родители валились с ног от усталости и засыпали на матрасе в углу, а в каморке стояла густая тишина, мальчик достал уголь. Серая, сочащаяся сыростью стена над его кроватью ждала. Раньше контур фальшивого окна был блёклым, неуклюжим и оставшимся от старшего брата. Теперь Матео взял дело в свои руки.

С замиранием сердца и детским упоением он заново чётко и уверенно расчертил раму, делая линии ровнее и шире. Воодушевлённый своей маленькой победой, он решил изменить и сам пейзаж. К той самой узкой синей полоске воображаемого океана, которую он знал лишь по рассказам, Матео пририсовал мощные, островершие горы, возвышающиеся над водой. Уголь легко скорректировал пространство, превращая глухую стену в портал.

Когда работа была закончена, семилетний мальчик отступил на шаг назад, присел на край своего жёсткого тюфяка и довольно, с чистой детской радостью улыбнулся. У него было своё собственное окно. Пусть оно состояло из угля и строительной краски, пусть за ним не было настоящего свежего воздуха — но теперь там шумел его собственный океан и поднимались ввысь горные вершины. Матео чувствовал себя богаче всех владельцев роскошных вилл внизу холма, потому что в этом сером бетонном мешке у него появился свой собственный, недоступный взрослым мир.

Каждый вечер, когда над Росиньей опускалась душная тропическая ночь и в каморке гас последний тусклый свет керосинки, семилетний Матео забирался на свой жёсткий матрас. Он упирался взглядом в свеженарисованное угольное окно, где между чёрными пиками гор и синей полоской океана застыл его выдуманный мир.

Матео мечтал уехать отсюда. Убежать из этого вертикального лабиринта, где каждый день пахнет потом, гарью и открытой канализацией, где стены давят на плечи, а взрослые разучились улыбаться. Он закрывал глаза и представлял себе совсем другую жизнь — ту самую, которую он иногда краем глаза видел по старому телевизору внизу, в баре, пока хозяин не прогонял его прочь.

В этом далёком, недостижимом мире люди не тащили тяжёлые баклаги с водой вверх по крутым ступеням. Там были широкие улицы с ровными деревьями, чистые парки, где можно просто бегать и падать на зелёную траву, не боясь порезаться о ржавую железяку. Матео вспоминал туристов, которых он иногда видел у подножия холма, когда спускался к пляжам Ипанемы или Копакабаны. Они пахли дорожными духами и солнцезащитным кремом, носили яркие чистые футболки, смеялись, держали в руках разноцветное мороженое и смотрели на океан не с тоской, а с лёгкой улыбкой, будто весь этот огромный мир принадлежал только им.

Туристы приезжали откуда-то из прекрасного, сказочного далёка, куда не ходили автобусы из фавелы. И Матео верил, что за его угольным окном скрывается именно тот самый мир. Засыпая под грохот басов и далёкий лай собак, мальчик шептал в темноту стены обещание: однажды он вырастет, откроет настоящее окно и шагнёт навстречу той жизни, где дети имеют право просто быть детьми, а за горизонтом лежит не только тяжёлая работа, но и весь большой, удивительный свет.

Но сильнее любых путешествий и далёких городов семилетнего Матео манила одна вполне осязаемая вещь — мороженое.

За всю свою короткую жизнь он пробовал его всего два раза. Первый раз — когда турист на пляже обронил початый стаканчик с тающим белым шариком, и Матео успел подобрать его прямо с тёплого песка до того, как его смахнули волны. Второй раз — на чьей-то чужой уличной свадьбе внизу холма, когда добрый повар сунул ему в руку крошечный бумажный рожок с розовой, пахнувшей химической клубникой жижей.

Для Матео мороженое было абсолютным вкусом счастья, сладким чудом, которое существовало только для избранных. Он закрывал глаза и представлял себе целые горы этого холодного, тающего на языке лакомства. Ему казалось, что в том далёком мире, откуда приезжали туристы и который он рисовал углем на стене, мороженое продаётся на каждом углу — огромными разноцветными шариками, в хрустящих вафлях, политое шоколадом и яркими сиропами.

Он был готов съесть тонны, целые горы этого холодного чуда, разного вкуса и цвета — жёлтого, как солнце, зелёного, как трава, которую он никогда не трогал, и ярко-красного. Каждую ночь, глядя в своё угольное окно на горы и океан, Матео давал себе слово: когда он вырастет и попадёт в тот большой мир, он первым делом купит себе столько мороженого, сколько сможет унести в обеих руках, и съест его до последней капли, ни с кем не делаясь.

В одну из таких душных ночей, когда воздух в каморке казался густым и липким, а за тонкими стенами не утихали глухие звуки ночного города, семилетний Матео лёг на свой жёсткий матрас. Спать было невыносимо жарко. Он закинул руки за голову, сложив их вместо подушки, и устался прямо в свеженарисованное угольное окно.

В темноте чёрные линии гор и синяя полоска океана казались объёмными, почти живыми. Матео вглядывался в них так пристально, будто надеялся силой своего желания продавить холодную, сочащуюся конденсатом стену. Он перебирал в памяти вкус того растаявшего клубничного шарика, представлял горы цветного мороженого, яркие футболки туристов и бескрайние просторы без заборов и бетонных тисков.

Так, с руками за головой и прищуренными глазами, он медленно провалился в сон.

И тогда граница между реальностью и вымыслом стёрлась. Во сне Матео почувствовал, как шершавая, холодная стена под его пальцами вдруг подалась назад, превратившись в податливую, прохладную материю. Нарисованные угольные горы зашевелились, а океан издал настоящий, глубокий шум прибоя.

Затаив дыхание от восторга и страха, семилетний мальчик подтянулся, перекинул ногу через раму и в один миг залез прямо в своё угольное окно. На мгновение его ослепила вспышка чистого, неземного света, а в лицо пахнуло прохладным, свежим ветром, от которого у него захватило дух. Он оказался по ту сторону — в совершенно другом мире, где не было ни тесных трущоб, ни запаха мазута, ни бесконечной тяжести взрослых забот.

Стеклянная тишина

За тысячи километров от шумных южных побережий, в элитном токийском районе Минато, где тишину улиц нарушает лишь шелест шин дорогих электрокаров, засыпал семилетний Рен Сато.

Его мир был погружён в совершенно иное измерение. Он жил на тридцать пятом этаже ультрасовременного высотного комплекса, где воздух был безупречно отфильтрован, а в просторной гостиной пахло дорогим паркетом, свежим кофе и прохладой кондиционеров. На первом этаже дома круглосуточно дежурил консьерж в идеальном костюме и белых перчатках — он беспрекословно кланялся жильцам, принимал бесконечные коробки с доставкой и следил за тем, чтобы в холл не просочился ни единый посторонний звук. Вся инфраструктура этого места работала с безупречной точностью швейцарских часов: бесшумные лифты доставляли Рена наверх за считанные секунды, а умная система дома управляла светом и шторами по малейшему касанию экрана.

У Рена была своя большая комната с огромным панорамным окном от пола до потолка, защищённым прочным трёхслойным стеклопакетом. Когда мальчик прижимался лбом к этому идеальному, кристально чистому стеклу, ему открывался завораживающий вид на ночной мегаполис. Внизу, сплетаясь в сложные светящиеся артерии, тянулись бесконечные автострасы, тысячи неоновых вывесок и рекламных экранов пульсировали в едином ритме, а вдалеке величественно сияла красным башенная игла токийского телецентра.

Каждое утро Рена было расписано по минутам. В свои семь лет он уже учился в престижной частной международной школе в центре Токио, куда его каждое утро отвозил личный водитель на чёрном представительском седане. Его рюкзак был аккуратно набит учебниками и планшетами, а после уроков его ждали занятия по ментальной арифметике и английскому языку.

Родители Рена были полностью поглощены бесконечной корпоративной гонкой, международными контрактами и постоянными совещаниями, поэтому почти никогда не ужинали дома. Они оставляли сына наедине с безупречными стенами и сверкающим городом за стеклом. В школе и дома от него ждали только безупречной дисциплины, высоких результатов и побед, лишая права на простую детскую шалость.

Для семилетнего Рена панорамное окно было настоящим, прозрачным и безумно дорогим. Он смотрел на этот сияющий огнями Токио, чувствуя себя запертым в этой тишине.

Иногда, впрочем, тишина ненадолго отступала. Раз в несколько месяцев, обычно перед долгой командировкой отца, мать заходила к нему вечером сама, без няни, садилась на край кровати и открывала одну из тяжёлых книг сказок. Она никогда не говорила об этом прямо, но Рен чувствовал: эти визиты были не частью расписания, а чем-то, что мать выкраивала для себя тоже, будто на несколько минут переставала быть управляющим директором и снова становилась просто голосом, читающим вслух. Он запомнил один такой вечер особенно чётко — мать читала ему про Русалочку, и на моменте, где героиня отдаёт голос за пару ног, её собственный голос вдруг дрогнул, и она замолчала на несколько секунд, глядя не в книгу, а в тёмное окно за спиной сына. Рен тогда не понял, что заставило её замолчать, но запомнил это молчание так же ясно, как саму сказку. Через несколько дней мать улетела в Сингапур на три недели, и следующий такой вечер случился только спустя полгода.

В ту ночь, устав от безмолвия пустой квартиры и строгих правил, Рен забрался на мягкую кровать, закинул руки за голову, устраивая их вместо подушки, и уставился на отражение городских огней в своём огромном окне. Медленно прикрывая глаза, он мечтал лишь об одном — чтобы эта идеальная стеклянная стена наконец растаяла, открывая ему путь туда, где кто-то сможет просто понять его без слов.

В свои семь лет Рен обладал умом, который опережал его возраст на несколько шагов, что делало пропасть между ним и сверстниками непреодолимой. Его высокий интеллект проявлялся во всём: он легко оперировал сложными логическими конструкциями, быстро осваивал абстрактные понятия и схватывал информацию на лету. Однако эта одарённость обернулась глубокой асоциальностью. Рен держался в стороне от людей, избегал шумных детских площадок в элитном комплексе и не умел находить общий язык с другими детьми. Для него человеческие взаимоотношения казались хаотичной, лишённой логики системой, где правила менялись на ходу. Настоящих друзей среди людей у него не было.

Его единственным и преданным компаньоном в огромной пустой квартире был акитаину по кличке Кэн — молчаливый, преданный пёс с густой рыжей шерстью, который понимал Рена без слов и часами лежал рядом, пока мальчик погружался в чтение. По вечерам, когда за окном гасли последние офисные огни соседних высоток, Рен садился на пол у панорамного стекла, прижимался спиной к тёплому боку Кэна и читал ему вслух — не потому что пёс понимал слова, а потому что звук собственного голоса в этой квартире иначе раздавался только из динамиков умных колонок. Кэн никогда не перебивал, не торопил и не ждал от него правильных ответов, и в этом простом, безусловном присутствии Рен находил единственное, что не требовало от него быть лучшим.

Его литературный мир был удивительно пёстрым и взрослым. На полках его комнаты соседствовали произведения самых разных культур и эпох:

Европейская классика и сказки: Рен зачитывался мрачными, глубокими и полными философского подтекста сказками Ганса Христиана Андерсена, находя в них не детские выдумки, а отражение реальной меланхолии. Его любимыми персонажами были стойкий оловянный солдатик и одинокая Русалочка, готовая отдать всё ради обретения души в чуждом ей мире. Из крупной прозы он любил «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери, разделяя одиночество главного героя на его крошечной планете.

Японская литература: Он ценил тонкую прозу Рюносэ Акутагавы и философские притчи, где переплетались реальность и тонкий мистический подтекст, а также современные японские романы об отчуждении в больших городах.

Корейские и восточные мотивы: Рен с увлечением изучал сборники древних корейских и китайских легенд о мудрецах, отшельниках и духах гор, находя в их неспешном повествовании внутренний покой.

Среди аниме-хитов и восточных сказок, которые Рен находил на цифровых планшетах и в редких коллекционных изданиях, особое место занимали истории о пространственных переходах и скрытых измерениях — например, культовые произведения студии Ghibli вроде «Унесённых призраками», где привычные границы реальности истончаются, открывая проходы в волшебные миры. Рен искренне любил эти сюжеты, перечитывая их вечерами. Для него идея о том, что сквозь обычную стену или оконную раму можно шагнуть в другую, сокрытую от посторонних глаз комнату, была не просто сказкой, а самой желанной истиной, в которую он верил сильнее, чем в законы физики из школьных учебников.

Погружаясь в этот многообразный книжный мир с европейскими трагедиями, восточными притчами и андерсеновской меланхолией, семилетний мальчик уходил от холодного и безупречного окружения. Книги заменяли ему школу общения, а тихий пёс Кэн был единственным живым существом, которому Рен позволял быть рядом, пока за огромным панорамным окном продолжал безмолвно сиять ночной мегаполис.

Рен обладал удивительно мягким, нежным и глубоко добродушным характером. Он никогда не повышал голос, не спорил с няней и избегал любых конфликтов, предпочитая молча уйти в свою комнату и спрятаться за страницами книг. Физически хрупкий, с тонкими запястьями и бледной кожей, он проводил дни в окружении мягких ковров, чистого воздуха и тишины элитного комплекса. В его сердце не было агрессии или жёсткости; он смотрел на мир

с тихим, меланхоличным спокойствием. Его чуткая душа болезненно реагировала на любую грубость, а бесконечное добродушие делало мальчика совершенно беззащитным перед прагматичным и холодным миром взрослых, где так ценились статус, скорость и результаты.

Рен воспитывался в строгом соответствии с традиционными японскими принципами, где уважение к старшим, субординация и почитание вековых устоев прививаются с самого раннего возраста. Несмотря на современный интерьер квартиры и высокие технологии, его повседневная жизнь подчинялась негласным законам гармонии и этикета. Он безукоризненно знал правила вежливости, умел к месту использовать вежливые формы обращения, всегда сдержанно и почтительно кланялся при встрече с госпожой Танакой или редкими гостями дома, демонстрируя глубокое понимание иерархии. Для него было естественным бережно относиться к вещам, поддерживать идеальный порядок в своей комнате и следовать заведённому распорядку, где личное пространство каждого члена семьи священно, а нарушение общего покоя считается дурным тоном. Эта внутренняя дисциплина и почтительное отношение к окружающему миру пронизывали каждый его шаг, делая мальчика не по годам серьёзным и погружённым в тишину традиционной культуры.

У Рена не было дефицита материальных вещей, но его сердце сжигала совершенно другая, тихая жажда. Больше всего на свете он мечтал о настоящем, живом тепле и безусловной привязанности, которые невозможно купить ни за какие деньги.

В его идеальном мире, скрытом за панорамным стеклом, существовало то, чего ему катастрофически не хватало в огромной пустой квартире:

Простой человеческий диалог без оценок: Рен мечтал о ком-то, кому было бы искренне интересно узнать, о чём он думает, а не какие баллы он набрал на тестах. Он хотел обычного разговора, где можно ошибаться, смеяться и не бояться показаться несовершенным.

Свобода от жёстких рамок: Ему безумно хотелось хоть ненадолго сбросить груз строгих правил, отложить тяжёлые книги, забыть про расписание и расставленные по полочкам часы, чтобы просто посидеть на полу или заняться тем, что нравится ему самому.

Тепло искренних объятий: Больше всего он хотел почувствовать, что нужен родителям не как единственный наследник корпорации и гордость семьи, а просто как сын, которого могут обнять без повода, погладить по голове и долго-долго держать за руку.

Его мечта была чистой и наивной. Рен мечтал вырваться из своей холодной, сияющей стеклянной клетки туда, где за толстым слоем звукоизоляции бьётся настоящее, тёплое человеческое сердце, способное согреть его одинокий мир.

Каждый вечер ритуал отхода ко сну подчинялся строгому, выверенному порядку. Когда на город опускалась темнота, Рен ложился на мягкую постель, и в просторной комнате тихо звучала музыка. Его вкусы в мелодиях были широки и утончённы: сегодня это могли быть строгие и глубокие полифонические гармонии Баха или драматические сонаты Бетховена, завтра — меланхоличные, наполненные русской душой балетные вальсы Чайковского. Иногда тишину наполняли медитативные восточные мотивы, звуки тибетских чаш, традиционные японские переборы на кото или нежные народные мелодии далёких стран. Все эти композиции объединяло одно — они были спокойными, тягучими, убаюкивающими, уносящими мысли далеко за пределы стен небоскрёба.

Под эту звуковую вуаль Рен неизменно прижимался головой к подушке и устремлял пристальный взгляд на огромное панорамное стекло. За ним, простираясь до самого горизонта, сверкал и горел ночной мегаполис: мириады огней автострад, пульсирующая реклама и холодный неон высоток сплетались в живую, трепещущую картину. Мальчик мог подолгу всматриваться в это сияние, наблюдая, как в стекле отражаются далёкие вспышки большого мира.

Спустя десять-пятнадцать минут, когда музыка стихала и сон начинал мягко сковывать тело, Рен протягивал руку к прикроватной тумбе, где лежал пульт управления. Лёгким нажатием кнопки он приводил в движение тяжёлые моторизованные занавесы. Плотные шторы

бесшумно и плавно двигались по направляющим, полностью отрезая комнату от сияющего за окном города. В спальне мгновенно воцарялась абсолютная, бархатная темнота. Но даже погрузившись в сон в этой крошечной тишине, Рен продолжал лежать лицом в сторону скрытого за занавесом окна, словно чувствуя за непроницаемой тканью ту самую манящую границу.

В один из таких вечеров, когда мягкие звуки старинной мелодии растаяли в тишине и плотные занавесы полностью отрезали комнату от огней ночного мегаполиса, Рен погрузился в сон.

Он лежал на постели, всё так же обратившись лицом к стене, скрывавшей панорамное стекло, когда привычная граница реальности вдруг дрогнула. Во сне таинственный, ослепительный свет хлынул прямо сквозь плотную ткань занавесок, заставив их светиться изнутри пронзительным, лучистым сиянием. Незнакомый, манящий холод коснулся кожи, и невидимая сила подняла мальчика с постели.

Рен подошёл к окну и протянул руку. Стоило его пальцам коснуться стекла, как холодная поверхность мгновенно превратилась в жидкое, переливчатое зеркало. Окно качнулось, словно тяжёлая бархатная портьера, и с невероятной, мягкой тягой затянуло мальчика внутрь, унося в сияющую неизвестность.

Ткань и железо

Семилетняя Амина — её называли в честь древней царицы-воительницы, хотя сама она знала об этом лишь из обрывков вечерних рассказов матери — жила в самом сердце Киберы, крупнейшего трущобного массива Найроби. Её мир уместился в тесную коробку, сколоченную из ржавых листов гофрированного железа, старой фанеры и плотного картона. В этой глухой хижине не было ни единого настоящего проёма: сплошные стены из металлолома наглухо отрезали жилище от пыльных, опасных проходов трущобы. Чтобы в комнате не было ощущения абсолютного склепа, её мама, уставшая женщина по имени Заринадэ, закрепила на стене над лежанкой старую, выцветшую на солнце занавеску в крупный жёлтый цветок. Для Амины и её младших брата с сестрой эта ткань была единственным окном в большой мир.

Амина была самой старшей среди детей, и на её детские плечи ложился груз тяжёлой ответственности. Помимо неё, в тесной коробке росли четырёхлетний братишка Кофи и двухлетняя малышка Зара. Отец семейства, мужчина по имени Джабари, целыми днями пропадал на дальних строительных рынках или у городских свалок, пытаясь раздобыть хоть какую-то случайную работу, а мама бралась за любую стирку, уходя спозаранку.

Из-за постоянного страха за детей Амина почти никогда не выходила наружу. В Кибере царили суровые и жестокие законы: родители строго-настрого запрещали старшей дочери даже высовывать нос за порог железной двери. За пределами их хижины таилась страшная угроза — банды торговцев людьми и преступники, промышлявшие похищением детей ради продажи в рабство или чёрный рынок органов. Амина слишком часто слышала шёпот соседей о пропавших на соседней улице малышах, поэтому страх перед улицей въелся в её сердце сильнее голода. Она сидела запертой в четырёх железных стенах, оберегая Кофи и Зару, и каждую минуту вздрагивала от любого подозрительного шума снаружи, до дрожи в коленках переживая за безопасность брата и сестры.

Единственным спасением от давящего страха и тесноты стали старые, потрёпанные книги, которые мама однажды принесла с благотворительной распродажи у миссии Красного Креста. Среди пожелтевших страниц чужих учебников особой гордостью Амины была потрёпанная школьная энциклопедия по географии и естествознанию на английском языке, изданная ещё в конце прошлого века, с яркими, но уже поблёкшими иллюстрациями тропических лесов, океанов и незнакомых городов.

Вечерами, когда младшие засыпали, прижавшись друг к другу на потёртом матрасе, Амина забиралась в свой угол, забрасывала руки за голову, устраивая их вместо подушки, и приковывала взгляд к цветастой занавеске. Она гладила шершавые страницы старой географии, рассматривала картинки далёких зелёных лугов и синих рек, а затем переводила взгляд на ткань. В её воображении занавеска медленно истончалась, превращаясь в прозрачное стекло.

Был вечер — самый страшный из всех, что она помнила, — когда родители не вернулись даже к полуночи. Обычно к этому часу Джабари уже стучал условным сигналом в железную дверь, но в тот раз за стеной стояла только чужая, незнакомая тишина, изредка ломаемая далёким собачьим лаем. Ближе к часу ночи снаружи вдруг раздались тяжёлые, неровные шаги — не один человек, а несколько — и приглушённые мужские голоса, говорящие не на суахили, а на языке, которого Амина не узнавала. Шаги замедлились прямо у их двери. Кто-то подёргал щеколду.

Амина мгновенно зажала ладонью рот сонному Кофи, вторую руку прижала к груди уже проснувшейся и готовой заплакать Зары, и застыла в самом дальнем от двери углу, за занавеской, вжавшись спиной в холодное железо. Она считала удары собственного сердца, чтобы не думать ни о чём другом. Секунды тянулись, будто застряв в смоле. Щеколда снова дёрнулась, скрипнула — и голоса вдруг отдалились, свернув к соседней хижине, где залаяла собака и

кто-то из взрослых сонно выругался. Только когда шаги окончательно стихли где-то в глубине прохода, Амина позволила себе выдохнуть и разжать пальцы на плече брата. Он на следующее утро даже не вспомнил об этом, но Заринадэ, вернувшись перед рассветом, долго молча держала дочь за плечи, ничего не спрашивая, будто и сама всё понимала без слов.

В ту ночь, устав от тревог за брата и сестру, с тяжёлыми мыслями о страшном внешнем мире, Амина смотрела на свой фальшивый оконный проём. Музыка ночной бури за стенами хижины стихала, и вдруг цветастая ткань ярко засияла изнутри золотистым светом. Девочка почувствовала, как мягкий, тёплый ветер коснулся её щеки, а занавеска качнулась, открывая проход в иную, безопасную реальность, куда страх больше не мог за ней пойти.

Утро или вечер в тесной жестяной коробке Амины всегда начинались с неизменного и тяжёлого труда. Пока родители пропадали на заработках, семилетняя девочка брала на себя всю заботу о доме и о младших — Кофи и Заре.

Её быт состоял из суровых, до боли отточенных движений. Первым делом Амина разжигала крошечную керосиновую горелку, чтобы вскипятить немного мутной воды в потемневшем от копоти чайнике. Воду приходилось расходовать с ювелирной бережливостью — каждый литр был на вес золота. На этой кипячёной воде она готовила для брата и сестры скудную, печальную еду: жидкую кашу из горсти дешёвой кукурузной крупы и щепотки соли, а иногда просто размачивала в кипятке остатки чёрствого хлеба. Этого скудного пайка едва хватало, чтобы унять голод малышей, но Амина старалась поделить еду так, чтобы досталось и Кофи, и маленькой Заре, сама же часто оставаясь лишь с глотком тёплой воды.

Когда с едой было покончено, наступало время уборки. Чтобы в тесной комнате без окон не поднималась удушливая пыль от земляного пола, Амина брала пластиковую бутылку с проколотой крышкой, набирала туда остатки технической воды и аккуратно брызгала на сухую землю, прибивая серую пыль. Затем она брала короткий веник из сухих прутьев и тщательно выметала крошки, песок и сор в один угол. Весь этот накопившийся за день мусор девочка собирала в пакет и через узкую щель в металлической двери выносила наружу, бросая его в заранее вырытую во дворе общую яму для отходов.

Закончив с делами, Амина вытирала руки о выцветшую тряпку, усаживала малышей на потёртый матрас и снова возвращалась к своему молчаливому дозору в четырёх стенах, прислушиваясь к звукам улицы.

Среди тесноты железных стен и вечной тревоги за младших в сердце Амины жила чистая, пронзительная мечта, которая грела её холодными вечерами. Больше всего на свете девочка хотела вырваться за рамки этой удушливой коробки и своими глазами увидеть настоящий мир, скрытый за цветастой занавеской.

Ей так сильно хотелось узнать, что же происходит там, за пределами их двери: правда ли существуют бескрайние зелёные луга, о которых рассказывали старые учебники, текут ли где-то чистые синие реки и действительно ли солнце может светить так ярко, чтобы от него не слезились глаза впотьмах. Она мечтала просто пройтись по улице без страха, почувствовать под ногами настоящую траву, а не серую пыль трущобы, и услышать звуки большого, свободного города, где люди не прячутся в жестяных укрытиях.

А ещё у Амины была самая простая, детская и почти недостижимая мечта — досыта и вкусно покушать. В её воображении этот мир обязательно пах ароматной выпечкой, сладкими спелыми фруктами, которых она никогда не пробовала, и горячим супом, от которого поднимается густой, манящий пар. Ей так хотелось однажды сесть за стол вместе с мамой, папой, Кофи и маленькой Зарой и есть не из чувства выживания, а просто потому, что еда вдоволь, и она невероятно вкусная.

Когда на трущобы Найроби опускалась ночь, на плечи семилетней Амины ложилась самая тяжёлая часть дня — укладывание младших спать. Бывали вечера, когда мама и папа задерживались на тяжёлой работе далеко за полночь или вовсе не возвращались до самого

рассвета, оставаясь на ночных подработках у далёких складов. Тогда Амина становилась для четырёхлетнего Кофи и крошечной Зары и мамой, и защитой.

Она мягко умывала малышей остатками воды, расстилала на полу их потёртый матрас и плотно прижимала их друг к другу, чтобы они не мёрзли от проникающего сквозь щели металла ночного холода. Тихонько нащёптывая им обрывки старых сказок, которые когда-то слышала от матери, Амина укачивала их, пока дыхание брата и сестры не становилось ровным и глубоким.

Убедившись, что младшие крепко спят, она аккуратно устраивалась рядом на краю матраса. Закинув руки за голову так, что мягкие локти заменяли ей подушку, Амина неотрывно, с замиранием сердца всматривалась в ту самую старую цветастую занавеску, заменявшую им окно. В душной тишине ночи она предавалась своей заветной, чистой мечте. Девочка грезилась о том, что эта тканевая преграда вдруг исчезнет, позволив ей распахнуть настоящие створки в большой мир, сделать первый шаг за порог тесной жестяной коробки и увидеть своими глазами всю невообразимую, звенящую красоту земли, о которой так бережно шептали пожелтевшие страницы её единственной книги.

Прошло несколько томительных дней, наполненных привычной заботой о младших и долгими часами ожидания родителей под глухими звуками трущобы, пока не наступила та самая ночь. Уложив Кофи и Зару и дождавшись, пока их ровное дыхание заполнит тишину хижины, Амина устроилась на матрасе, закинула руки за голову и привычно уставилась на выцветшую занавеску.

Привычная дрёма уже начала окутывать её сознание, когда воздух в комнате странно изменился, наполнившись мягким, тёплым пульсирующим свечением, проступавшим прямо сквозь волокна старой ткани. Сердце девочки замерло. Не раздумывая больше ни секунды, Амина поднялась с матраса, подошла к стене и дрожащими пальцами схватила край цветастой занавесы.

Она резко дёрнула её в сторону, и вместо глухой жестяной стены перед ней неожиданно открылось настоящее стеклянное окно, за которым сиял огромный, полный чудес и неизведанной красоты мир. Затаив дыхание, охваченная смешанным с благоговением трепетом, Амина шагнула вперёд и протиснулась в узкую створку, позволив окну полностью затянуть её в сияющую неизвестность.

Краски и свет

В одном из самых элитных и дорогих районов Ванкувера — Уэст-Пойнт-Грей, утопающем в зелени вековых хвойных деревьев и ухоженных частных газонах, засыпала семилетняя канадка по имени Эмили.

Её дом представлял собой просторный особняк с панорамными окнами, высокими потолками и безупречным ландшафтным дизайном. Эмили была единственной дочерью в семье. Её отец управлял крупной международной корпорацией, а мать занимала пост профессора в университете Британской Колумбии. Родители окружали девочку любовью и поддерживали любые её начинания, хотя из-за плотных графиков часто задерживались на работе.

В свои семь лет Эмили обладала колоссальной энергией и была ярким лидером. Она училась в элитной частной школе, неизменно находясь в центре внимания. Эмили была школьной активисткой: она организовывала благотворительные сборы, предлагала идеи для проектов и с лёгкостью объединяла вокруг себя сверстников. У неё было огромное количество друзей, её звонкий смех не умолкал на переменах, а расписание было забито под завязку — конный спорт, бассейн, уроки фортепиано и театральная студия.

Несмотря на то, что жизнь Эмили была похожа на яркий kaleidoscope из побед на школьных соревнованиях, праздников с друзьями и бесконечных занятий, в глубине души жила одна особенная, сказочная мечта. Больше всего на свете она грезилась о том, чтобы оживить свои рисунки и сказки, создав настоящий, волшебный город прямо посреди их огромного загородного сада.

В её воображении этот мир состоял из сияющих разноцветных кристаллов, каруселей, которые крутились без помощи электричества, и светящихся деревьев с листвой цвета сахарной ваты. Эмили мечтала построить там летающий домик на ветвях векового кедра, куда можно было бы подниматься по радужным лестницам вместе со всеми своими друзьями, чтобы устраивать там тайные праздники с бесконечными запасами шоколада и воздушных зефирок. Ей безумно хотелось, чтобы в этом выдуманном королевстве не было никаких скучных расписаний, строгих правил и взрослых забот, а правила диктовали только фантазия, смех и яркие краски, которые никогда не блёкнут.

Один случай засел в памяти Эмили сильнее прочих. Как-то вечером, готовясь к школьному проекту о разных странах, она вместе с мамой смотрела короткий документальный фильм о жизни детей в других частях света — где-то мелькали жестяные крыши, пыльные улицы без асфальта, дети, тащившие ведра с водой почти в свой рост. Эмили тогда замолчала посреди обычно шумного вечера и долго смотрела в экран, а потом спросила маму, если у этих детей нет окон, куда же они смотрят, когда им грустно. Мать не сразу нашла, что ответить, и в итоге сказала только, что, наверное, у каждого человека есть своё окно — просто оно не всегда сделано из стекла. Эмили запомнила эту фразу и с тех пор иногда, засыпая, представляла себе не только свой волшебный сад, но и других детей — где-то далеко, тоже смотрящих перед сном в темноту, — хотя и не могла бы объяснить, зачем ей это думать.

Утро в особняке Эмили начиналось в уютной тишине просторной кухни, залитой мягким светом тихоокеанского рассвета. Пока девочка спускалась по широкой лестнице, на мраморном столе уже ждал готовый, сервированный по всем правилам завтрак: пышные золотистые блинчики с кленовым сиропом, свежие лесные ягоды, хрустящие тосты с органическим маслом и стакан свежавыжатого апельсинового сока. Ей не нужно было ни о чём беспокоиться — заботливая домашняя помощница всегда заранее продумывала меню.

Дни Эмили протекали в размеренном и комфортном ритме. В элитной частной школе её ждал сбалансированный ланч в столовой: нежный запечённый лосось с брокколи или мини-бургеры из мраморной говядины на мягкой бриоши. После занятий, во время короткого пере-

куса между бассейном и музыкальной студией, её ждал свежий фруктовый салат или греческий йогурт с мёдом и гранолой. А вечером вся семья собиралась за роскошным ужином, где подавали ароматное куриное филе на гриле с молодыми овощами или пасту с пармезаном под лёгким сливочным соусом. Всё было готово вовремя, изобильно и безупречно.

Каждый вечер после изысканного ужина в особняке Эмили разворачивался её любимый, неповторимый ритуал. Прежде чем подняться в свою комнату для отхода ко сну, девочка устраивала для родителей, няни и домашней помощницы настоящий домашний концерт.

Это были шуточные представления, которые Эмили придумывала на ходу. Она наряжалась в смешные шляпы, брала в качестве микрофона расчёску или игрушечную гитару и с невероятным артистизмом разыгрывала уморительные сценки, пародировала учителей, пела забавные песенки собственного сочинения и танцевала под восторженные аплодисменты взрослых. Для неё это была не просто игра, а сама жизнь — сцена наполняла её искрящейся радостью, заставляя звонко смеяться всех вокруг и заряжая дом тёплой, живой энергией перед наступлением ночи.

Был, впрочем, один вечер, который Эмили не рассказывала никому — даже маме.

Отец обещал в тот день вернуться пораньше и посмотреть её новое представление — то самое, с песней собственного сочинения, которую она репетировала целую неделю, пряча текст даже от няни. Эмили специально отложила его на пятницу, когда, по словам отца, «важных звонков быть не должно». Она надела свою лучшую шляпу, взяла расчёску вместо микрофона и в семь часов вышла к гостиной — а там, кроме няни и домашней помощницы миссис Эванс, никого не было. Отцовское кресло, обычно придвинутое ближе всех к «сцене», стояло пустым.

Она всё равно спела — звонко, широко улыбаясь, как всегда, — но на середине песни голос впервые в жизни дрогнул, и она сама удивилась этому больше, чем зрители. Миссис Эванс похлопала громче обычного, будто пыталась заполнить аплодисментами пустое кресло, а Эмили быстро, слишком быстро для человека, которому всё нипочём, объявила, что представление окончено, и поднялась к себе.

Отец вошёл в её комнату почти в полночь — тихо, стараясь не разбудить, ещё в пиджаке, с запахом самолёта и совещаний. Эмили не спала. Она лежала, отвернувшись к окну, и приотворялась. Он сел на край кровати, помолчал, а потом сказал то, чего никогда раньше не говорил: что сегодня, сидя в переговорной за тысячи километров, он весь вечер думал не о контракте, а о том, какую шляпу она наденет. Эмили не ответила и не повернулась — но нащупала под одеялом его руку и держала её, пока он не ушёл, думая о том, что даже самый большой дом на свете иногда кажется таким же пустым, как хижина без окон, если внутри него некому дожидаться.

Когда шум вечернего представления затихал и дом погружался в мягкую полуночную тишину, наступал самый уютный момент дня — время сказки перед сном. По очереди, сменяя друг друга, к Эмили в комнату заходили родители или няня. Они устраивались на краю её широкой кровати с мягким пуховым одеялом и открывали толстые книги сказок со всего мира: японские легенды о духах гор, африканские притчи о животных саванны, европейские истории о заколдованных лесах.

Эмили внимательно вслушивалась в каждое слово, затаив дыхание. Она живо представляла себе далёкие страны, задавала десятки вопросов о том, почему герои поступают так или иначе, и искренне интересовалась судьбой персонажей. И пока взрослые читали мягким, убаюкивающим голосом, глаза девочки то и дело скользили в сторону огромного панорамного окна. Через чистое стекло виднелись бескрайнее ночное небо Ванкувера, мерцающие вдали огни большого города и тёмные силуэты вековых деревьев, словно приглашавшие её в другое, ещё не рассказанное путешествие.

И в один из таких дней, когда вечерняя сказка отзвучала и дом погрузился в сон, Эмили приснился удивительный, завораживающий сон.

Ей казалось, что она всё ещё лежит в своей кровати и смотрит на привычное панорамное окно, но вдруг стекло в нём ожило и преобразилось. Оно засияло тысячами переливающихся оттенков, заискрилось искрами и заиграло ярким, сказочным радужным светом, в точности так, как она всегда мечтала.

Прямо из рамы окна наружу, в ночной воздух сада, протянулась сияющая радужная тропка, манящая своими мягкими переливами. Затаив дыхание от восторга, Эмили во сне поднялась, подошла ближе и уверенно шагнула на эту мерцающую дорогу, которая вела прямо в проём распахнутого волшебного окна.

Жизнь

День Рена начинается задолго до того, как над футуристическими силуэтами Токио поднимается солнце. В тишине просторной квартиры на верхнем этаже высотки в престижном районе Минато нет резких будильников — вместо них в заданное время бесшумно раздвигаются шторы с электроприводом, впуская внутрь холодный, размытый свет мегаполиса. Рен аккуратно откидывает шёлковое одеяло, садится на край широкой кровати и несколько секунд смотрит на свои руки. Ему семь, но его утро расписано по минутам строже, чем у взрослого топ-менеджера. Рядом на тумбочке лежит самая последняя модель премиального японского сотового телефона в титановом корпусе и новейший тончайший планшет с электронным пером, на котором мальчик вечером перед сном просматривает интерактивные учебники и схемы робототехники.

В ванной комнате его ждёт идеальный порядок: махровый халат с вышитыми инициалами, тёплая вода, приготовленная умной системой, и паста с мягким мятным вкусом. После водных процедур мальчик надевает строгую школьную форму — безупречно отглаженную белую рубашку, тёмно-синий жилет с эмблемой элитной частной академии и аккуратные брюки.

Завтрак подаётся в столовой с панорамным видом на утренний город. На столе перед Реном стоит традиционный, но поданный с ресторанным изяществом сет: пиалы с варёным рисом, кусочек нежного омлета тамагойки, приготовленного личным поваром отца, миска горячего мисо-супа с тофу и свежий зелёный чай. Отец за стол не садится — он уезжает рано, поэтому Рен трапезничает в одиночестве, окружённый глухой тишиной огромных комнат, нарушаемой лишь тиканьем антикварных часов.

Ровно в семь тридцать к подъезду высотки подъезжает чёрный седан с водителем в белых перчатках. Машина плавно трогается с места, увозя мальчика по чистым, умытым поливальными машинами улицам Минато к воротам учебного заведения. Учебный день наполнен строгой дисциплиной, сложными уроками математики, информатики и английского языка, а также правилами поведения, которые вдальбливают с младших классов. На переменах Рен держится сдержанно: вокруг него шумят дети влиятельных родителей, но атмосфера соперничества чувствуется в каждом взгляде.

После школы его ждёт череда дополнительных занятий — репетитор по каллиграфии, шахматы и плавание. Вечером уставший Рен возвращается в пустую квартиру, где под гул системы кондиционирования садится за уроки, зная, что впереди его ждёт лишь отражение в тёмном стекле панорамного окна.

День Амины начинается с резкого крика петуха за тонкими железными стенами и запаха сырости, поднявшегося от ночного дождя. Её день не знает расписаний, кроме одного закона: выжить и уберечь младших. У неё нет абсолютно ничего — ни личных вещей, ни игрушек, ни современных гаджетов, ни даже надёжного угла. Из сокровищ у неё только поношенное платье да пара младших брата и сестры. Едва открыв глаза, девочка проверяет, на месте ли четырёхлетний Кофи и малышка Зара. Родители ушли на работу ещё до рассвета, растворившись в утренней серой мгле. Амина сразу берётся за тяжёлую работу. Она пытается зажечь крошечную керосиновую горелку, но та капризничает, а фитиль оказывается забит нагаром. Приходится брать старую иглу, палочку и, пачкая руки в чёрной маслянистой гари, самостоятельно чинить механизм, действуя так уверенно, будто она взрослая женщина, тащащая на себе весь дом. Когда пламя наконец послушно вспыхивает, она ставит потемневший чайник с мутной водой. На скудный завтрак детям достаётся лишь жидкая кукурузная каша с щепоткой соли.

После еды начинается уборка. Амина берёт пластиковую бутылку с дырочкой в крышке, брызгает водой на сухую утрамбованную землю пола, чтобы прибить пыль, и тщательно выметает сор коротким веником из прутьев, вынося мусор в уличную яму.

Затем наступает самое страшное время — часы затишья. Около полудня за хлипкими стенами хижины начинают раздаваться чужие, тяжёлые шаги и приглушённые голоса взрослых людей. В памяти всплывают суровые слова матери: в трущобах рыщут те, кто выискивает беззащитных детей, чтобы украсть их и продать в рабство или на чёрный рынок органов. Сердце Амины падает куда-то в желудок. Дыхание замирает. Не издав ни звука, она прижимает к себе плачущую Зару, закрывает ладошкой рот Кофи и замирает в самом тёмном углу комнаты, вслушиваясь в каждый шорох за дверной занавеской. Каждая секунда тянется вечностью, пока шаги не стихают вдалеке. Только тогда девочка с облегчением выдыхает и возвращается к своим бесконечным заботам.

День Эмили начинается в атмосфере безупречной роскоши. Просторный особняк в элитном зелёном районе Уэст-Пойнт-Грей наполнен мягким светом и ароматом свежесваренного кофе и выпечки. В её личной комнате на рабочем столе всегда лежит флагманский планшет в ярком чехле для творчества и новейший смартфон с детским контролем, но открытый для всех развивающих приложений, электронных книг и связи с родителями. Когда Эмили спускается по широкой дубовой лестнице, на мраморном столе её уже ждёт изысканный завтрак, приготовленный домашней помощницей: воздушные блинчики с кленовым сиропом, свежая голубика, хрустящие тосты с органическим маслом и стакан охлаждённого апельсинового сока. После завтрака к воротам особняка подъезжает белый служебный внедорожник частной школы. Водитель везёт девочку по живописным улицам Ванкувера мимо океанских причалов и парка Стэнли, где кроны гигантских хвойных деревьев уходят в прохладное утреннее небо.

В элитной частной школе день Эмили расписан поминутно, но наполнен радостью и общением. На ланч в школьной столовой подают запечённого тихоокеанского лосося с брокколи и мини-бургеры. У неё масса друзей, звонкий смех звучит на каждом перерыве. После занятий персональный автомобиль доставляет её на тренировку по конному спорту в клуб под руководством тренера мистера Дэвиса, а затем на занятия по плаванию и уроки игры на фортепиано к фрау Мюллер.

Вечером Эмили возвращается домой, где её встречает заботливая няня и домашняя помощница миссис Эванс. Между ними царят тёплые, доверительные отношения, наполненные шутками и добрыми разговорами. Но кульминацией дня становится вечерний ритуал после ужина. Эмили надевает смешную шляпу, берёт в руки воображаемый микрофон и устраивает для родителей, няни и прислуги фееричное шуточное представление. Комната наполняется звонким смехом, аплодисментами и абсолютным, искрящимся счастьем, завершая этот идеальный, изобильный день.

Матео просыпается на тонком матрасе, накинутой на плечи майке, и босиком выбегает на узкую смотровую площадку. Из ценностей у него есть только две вещи: старый, потёртый кнопочный мобильный телефон с разбитым экраном, на который иногда приходят короткие зашифрованные указания от старших, и спрятанный за поясом отличный, большой тяжёлый трофейный нож с потёртой рукоятью, который достался ему от уличного прошлого и служил единственной защитой в этих опасных закоулках. На смотровой площадке Матео замирает на секунду, исполняя свой утренний ритуал: смотрит вниз, где у подножья холма в утренней дымке кипит богатая, недоступная ему жизнь большого города, а затем вглядывается в лабиринты узких крутых тропинок под ногами.

Матео не ходит в школу. Его работа — быть «одеялом» и подсказчиком для местных наркокурьеров, предупреждая их о чужаках и полиции. Он знает каждый камень, каждый проход между ржавыми крышами. Его день — это сплошной адреналин и смертельный риск. С

самого утра он срывается с места, прыгая с крыши на крышу, петляя между обрывами и узкими лестницами.

Сегодня удача отворачивается от него. Заслышав чужие тяжёлые шаги на нижнем ярусе, Матео срывается с крутого склона, пытаясь срезать путь через заброшенный дворик. Его нога соскальзывает с влажного от утренней росы шифера. Мальчик с криком падает на щебёнку, обдирая локти и колени до крови, а на боку расцветает огромный багровый синяк. Боль пронзает всё тело, но остановиться нельзя — секунды промедления могут стоить слишком дорого. Сквозь слёзы и жгучую боль Матео поднимается, стискивает зубы и продолжает бежать, прыгая через ограждения, пока не скрывается в безопасности бетонных лабиринтов.

К вечеру, когда солнце валится за океан, окрашивая небо в кроваво-красные тона, Матео бредёт обратно на свой холм. Он смертельно устал, его мышцы ноют от напряжения, а свежие ссадины саднят от солёного пота. Забравшись к себе, он трясущимися руками проверяет карманы и понимает горькую правду: сегодня из-за падения и сорванной смены он не заработал ничего. Его ждёт абсолютно пустой, голодный вечер в тишине прохладной ночи, где вместо ужина есть только гудящая от усталости голова и тупая боль в свежих синяках. Лёжа в темноте, он на ощупь находит на стене знакомый контур угольного окна и, не в силах даже подняться, чтобы зажечь огарок свечи и разглядеть его, просто закрывает глаза, зная рисунок наизусть — по памяти дорисовывая горы там, где их скрывает темнота.

В конце июля, когда душный и серый асфальт Токио начинает плавиться под лучами летнего солнца, в жизни Рена наступает долгожданная пора — каникулы. Отец откладывает важные контракты, и семья поднимается на борту частного бизнес-джета, который уносит их далеко на юг, сквозь облака, к экваториальному теплу Индонезии.

После короткого перелёта они пересаживаются на вертолёт, доставляющий их напрямую на легендарный остров Бали. Там, в тихом и уединённом районе Убуда, среди изумрудных террасных рисовых полей и густых тропических джунглей, их ждёт роскошная закрытая вилла. Просторные павильоны из тёмного дерева с соломенными крышами открываются прямо к инфинити-бассейну, вода в котором сливается с зеркальной гладью водной глади пруда, полного цветущих лотосов.

Утро Рена на Бали начинается под пение экзотических птиц и мягкий шелест пальмовых листьев. Личный водитель на чёрном внедорожнике готов в любой момент отвезти его к живописным побережьям или древним храмам, утопающим в зелени. Дни проходят в размеренной роскоши: мальчик плавает в тёплом бассейне, изучает экзотические растения, а вечерами, сидя на плетёной террасе при свете бумажных фонариков, берёт в руки свой новейший тончайший планшет. Под стрекот цикад он листает интерактивные путеводители по всему миру и запускает схемы любимой робототехники, наслаждаясь идеальной, звенящей тишиной тропического рая. Даже здесь, среди этой продуманной до мелочей красоты, он иногда ловит себя на том, что рядом с ним снова только Кэн — вилла слишком велика, а родители слишком заняты собственным отдыхом, чтобы этот рай хоть чем-то отличался от токийской квартиры, разве что видом за окном.

В Ванкувере учебный год завершается в последние дни июня, открывая для Эмили двери в настоящее летнее волшебство. Родители заранее планируют грандиозное путешествие, которое превращает её каникулы в сюжет приключенческого фильма.

Сначала их семья поднимается на борт самолёта первого класса, направляющегося к солнечным Багамам. Там, на знаменитых пляжах с ослепительно белым и невероятно мягким песком, Эмили встречает рассветы, собирая причудливые ракушки у кромки бирюзовой воды. Лазурные волны Атлантического океана прозрачны настолько, что сквозь них видны разноцветные рыбки, снующие у коралловых рифов.

Но на этом приключение не заканчивается. Следующим этапом становится посадка на белоснежный океанский лайнер — настоящий плавающий город с многоэтажными атриумами,

несколькими прозрачными бассейнами, панорамными ресторанами и театральными сценками на верхней палубе. Огромный корабль величаво рассекает лазурные просторы Карибского моря. Эмили в лёгких летящих сарафанах гуляет по просторным прогулочным палубам, наслаждается освежающими тропическими коктейлями в высоких бокалах и с восторгом наблюдает за закатами, окрашивающими небо в лиловые и золотые тона. На этом сказочном лайнере она чувствует себя настоящей принцессой из своих любимых детских сказок, для которой открыт весь огромный, сияющий мир. И всё же однажды вечером, стоя у поручней и глядя на бескрайнюю черноту океана, она вдруг вспоминает документальный фильм с жестяными крышами и детьми, тащившими вёдра, и на мгновение ей становится не по себе — так, будто где-то там, за горизонтом, за тем самым чёрным океаном, кто-то сейчас смотрит в свою темноту так же пристально, как она сейчас смотрит в свою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.